

На под'еме

Мариэтта ШАГИНЯ

Советская Армения вступает во вторую половину XX века с большими победами. Замечательны перемены, происшедшие в ней за последние четыре года. Каждому, кто приезжает сюда после продолжительного отсутствия, они не могут не броситься в глаза. Новое всюду — в городах, в облике деревень, в людях, в общественном и частном быту.

Там, где еще несколько лет назад был пригород, окраина Еревана, трава пробивалась, — сейчас вдоль широкого асфальтированного проспекта высятся огромные заводы, гиганты машиностроения. Целый район — Сталинский — превратился в образцовый промышленный городок. А из вчерашних ремесленников и фабзавучников, из студентов своего ереванского Политехнического института, Тбилисского и Бакинского институтов подросла целая армия высококвалифицированных рабочих и молодых инженеров. Это явление — действительно новое в Армении, и оно накладывает отпечаток на всю общественную жизнь республики. В театрах, на выставках, на концертах, в музеях, в лекционных залах появился новый зритель и слушатель. Он хочет видеть и слышать свое, близкое и понятное искусство, отражающее события и интересы его большой собственной жизни.

Новый зритель и слушатель пришел и из сельских районов. Помнится, четыре года назад, об'езжая колхозы, я всюду заставала только что поднятое тогда движение за благоустройство села: речь шла о побелке зданий сельсоветов и клубов, об архитектурном оформлении родников, о ремонте дорог и мостов. Каким детским лепетом кажется все это сейчас по сравнению с проектами больших агрогородов, заказанными лучшим архитекторам в центре, великолепными дворцами из туфа и мрамора, — новыми зданиями колхозных клубов,

строящимися на миллионные накопления крупных колхозов. Как правило, колхозные клубы сейчас во много раз лучше, красивее, монументальнее районных клубов и театров, и молодежь из районного центра часто ездит на спектакли и танцы в ближайший колхозный клуб. А сами колхозники — знатные люди полей, женщины с золотыми звездочками героинь — часто на своих колхозных автобусах наезжают из самых отдаленных углов республики в Ереван посмотреть премьеру, послушать оперу и концерт.

На выставке 30-летия Армении очень интересно, захватывающе интересно было просто перелистывать альбомы с сотнями фотографий, висевшие почти у каждого стэнда: это были фотографии передовых заводских рабочих, кадры всевозможных предприятий, выставленных на стэндах. Какими тонкими, умными, думающими стали те одиночки, а целые коллективы, что за выразительные, интеллигентные лица у профессионалов тяжелого физического труда! Но труд этот уже перестал быть только физическим, и лица рабочих смотрят на вас, полные яснотой, глубокой, сознающей себя, пылкой мыслью: развитое машиностроение, электромашиностроение, завод точных измерительных приборов, заводы кабельный, шинный, компрессорный, не говоря уже о двух многограннейших химических комбинациях, учат людей быть точными, внимательными, ввели их в круг очень высокой, очень требовательной технологии, научили их обращению с самыми сложными машинами. А люди, совсем еще молодые, со школьной скамьи, жадно обучаются новым, растут, не затормаживаемые ни-

какими пережитками прошлого, никакой стародавней техникой, — они ее не знали.

Было бы невероятно, если бы этот огромный сдвиг в стране, изменивший соотношение общественных сил в ее «публике», людях, потребляющих искусство и сидящих в зрительном зале, никак не отразился на работе армянских драматургов и армянских театров. Он, разумеется, отразился, и очень сильно. Совсем еще недавно приходилось здесь сетовать на отсутствие пьес с современной советской тематикой, на изобилие исторических и далеких от жизни спектаклей. Сейчас с большой радостью видишь, как обновился репертуар, и притом во всех театрах. В Государственном театре оперы и балета колхозники слушают «Героиню» композитора Степаняна. В прошлом Степанян не раз обращался к народным сюжетам, но ему мешали формалистические увлечения. Сейчас он создал ясную, в традиционных формах написанную оперную музыку, с которым, правда, уклонно в другую, противоположную крайность: на нем сказались влияние старого мастера итальянской школы, композитора Т. Чухаджяна, чья великодушная опера «Аршак II» не сходит в Ереване со сцены. Во всяком случае «Героиня» приятно слушается, сюжет ее глубоко современен: в основу либретто легла поэма Наира Заряна «Арменуи» — это армянское имя отнюдь не имя героини, а название выведенного здесь замечательного сорта пшеницы. Борьба за становление нового в колхозе, за новые взаимоотношения между мужчиной и женщиной, показ передовой колхозной женщины-героини и является основным в опере, полной чудесной мелодики, красивых сольных партий.

В Театре музыкальной комедии еще недавно ни о какой советской тема-

тике не помышляли. А сейчас там идет прекрасная комедия того же Наира Заряна — «У родника». Место действия — колхоз; время действия — наши дни. Показано, как приезжие семьи репатриантов с их еще не изжитыми старыми навыками и взглядами оседают на новой для них земле, осваиваются с новым для них строем, становятся своими, советскими. А тут же идет и местная, сюжетная линия, выводится и разоблачается исключительно удавшийся автору и талантливо воплощенный театром отрицательный тип колхозника-лодыря, в котором лодырничество комично сочетается с предпринимательством, — очень острая и забавная сатира.

Но показательнее и сильнее всего поворот к современной тематике в двух драматических театрах Еревана — армянском, имени Сундукяна, и русском, имени Станиславского. Начало перелому положила пьеса двух молодых авторов Л. Карагезяна и Г. Тер-Григоряна — «Эти звезды наши». Остроумный и живой спектакль об армянском студенчестве и профессии, о молодой технической интеллигенции был принят зрителями очень тепло и до сих пор собирает полный зал. Это была, как говорится, «первая ласточка»: впервые взят был конфликт из злободневной области научно-технической мысли, впервые по-серьезному осмыслен драматический образ ученого-репатрианта; а надо сказать, что и в литературе, и в драматургии сейчас армянские писатели получили богатейший и совершенно своеобразный материал, связанный с переделкой и перевоспитанием сотен и тысяч репатрированных армян самых разнообразных профессий и специальностей. В маленькую республику влились свои же земляки, страстные патриоты, настроенные восторженно в отношении всего советского, а в то же время пришедшие из мира старых общественных сил, из мира частной собственности, наделенные всеми внешними чертами этого мира его жаргоном, манерами, привычкой

держаться себя. Надо было переучиваться, переучиваться с азбуки. Писатели были поставлены перед двойной задачей — освоить типологически, образно, художественно развернувшийся перед ними новый человеческий мир индивидуальностей и характеров и, осваивая, выполнить благодарную задачу советского художника: повлиять на людей, помочь им перевоспитаться.

Вслед за «первой ласточкой» появилось несколько новых пьес: «Блад» Г. Боряна, который мне поведать не удалось; «Дерзание» М. Овчинникова и «Наши дорогие гости» М. Чаманяна. Остановлюсь на двух последних спектаклях, чрезвычайно интересных во многих отношениях.

Начать с того, что первая пьеса — русского драматурга Овчинникова — была поставлена в армянском театре на армянском языке и прозвучала, надо прямо сказать, совершенно не как переводная. Вторая пьеса — армянского драматурга Чаманяна — была поставлена на русском языке в русском театре и тоже смотрелась не как переводная пьеса. Это само по себе говорит о многом.

Я смотрела обе пьесы в крайне любопытном окружении. «Дерзание» Овчинникова написано на остро-актуальную тему, причем автор занял позицию борца за одну из сторон, вступающих в его пьесе в конфликт. Сюжет — животноводческий. В Армении с ее недостатком кормов проблема создания кормовой базы крайне остра. В некоторых районах скот приходится кормить соломой. Солома плохо усваивается, трудно переваривается; для лучшего ее усвоения животным подмешивают разные соли, минеральные примеси. И вот молодой ученый предложил подмешивать к соломе в определенной дозе, гораздо более дешевый и доступный, чем эти примеси, шлам, в изобилии находящийся в республике, как отход одного из крупных производств. Это еще не пьеса, читатель, это — жизнь! А в пьесе один из ра-

ботников племенного госрассадника предлагает проверить этот шлам на племенных коровах. Директор сопротивляется. Возникает конфликт. Этот конфликт, связанный с личными романтическими коллизиями, и представляет собой узел пьесы. Написанная прекрасным языком, изобилующая жизненно-правдивыми сценами и характерами, пьеса сморится до конца с большим и хорошим интересом. Она имела у зрителей шумный успех.

Но что произошло рядом со мной и вокруг меня в двух рядах партера! Оказывается, смотреть спектакль приехали работники Госплемрассадника (единственного в Армении), и племенных совхозов, и зооинститута... И рядом с ними был автор. Они напали, он защищал. Напали аргументами не искусства, а жизни: нельзя проводить опыт на племенных коровах, нельзя выводить прекрасного работника единственного госплемрассадника в республике ретроградом, когда этого нет в действительности! Автор защищал... не пьесу, а шлам. Он яростно защищал пользу нового предложения, обвинял в недостатке внимания к нему, и слушатели, все теснее смыкавшиеся вокруг спорщиков, были до крайности взбудоражены, заинтересованы. Искусство, как острый серп в траве, вдруг захватило по самому мясу, по живому, по нужному и важному в жизни. Что это? Хорошо? Плохо? Но ведь так было на всех злободневных комедиях Мольера, так было в древности на пьесах Аристофана; и кто же скажет, что там не было искусства! Мне думается, при всех недочетах произведения молодого драматурга, при некотором схематизме, недостатке в одном, перехватываючи в другом, он нашел верный путь к подлинному драматическому искусству. Успеха ему на этом трудном пути! Блестящий актер и режиссер В. Вагаршян во многом помог пьесе, создав ее очень культурное, вдумчивое, умное воплощение на сцене замечательного Театра им. Сундукяна.

Автору другой пьесы, М. Чаманяну, повезло меньше. Театр не сумел справиться с постановкой, да и сил у русского театра им. Станиславского меньше и возможностей меньше: получилось много суеты, топтания, ненужного многолюдия на сцене. А все же и пьеса М. Чаманяна — пьеса остро интересная, нужная, удавшаяся при всех недостатках постановки. Тема: одна из гидростроек Армении соревнуется с заводом, жующим от нее энергии. Стройка отстает. Молодой конструктор помогает ей, подхватив новый метод проходки тоннеля, предложенный ученым соседней республики, — метод не совсем подходил для данных почвенных условий, он был задуман для более мягкого грунта, но конструктор перепроектировал его, приспособив для местных условий. Этот основной узел дан также в сложной романтической коллизии. И тут тоже были на спектакле живые строители гидростройки, инженеры из проектного бюро. Обсуждали в антрактах реальные содержание, называли фамилию автора нового метода проходки тоннеля, бакинского инженера К. Романовича. А сам инженер К. Романович прислал письмо драматургу, откликаясь на спектакль:

«Позвольте мне выразить вам свою благодарность за ваше сценическое произведение, в котором в значительной мере играет роль мое изобретение — строительство тоннелей способом продавливания...». И он заканчивает: «Я считал бы полезным для общего дела в заключительном выступлении профессора-изобретателя изложить его мечты о ближайшем будущем — строить тоннели со скоростью 3000 метров в месяц!».

Что это — хорошо? Плохо? Мне думается, в нашей стране мы все, инженеры, артисты, писатели, делаем, как сказал этот изобретатель, «общее дело». Весь вопрос в том лишь, чтобы каждому делать его хорошо на своем собственном участке.

ЕРЕВАН

1961 г. ЯНВ. 1951

Советское Искусство
г. Москва